

Левит С.Я.

**«ИСПЕРЕЛЯЮЩИЕ ГОДЫ»:
КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЕ ИСКАНИЯ
А. БЛОКА И А. БЕЛОГО**

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, levit44@mail.ru*

Аннотация. В статье освещаются проблемы, характерные для духовной жизни России начала XX столетия. В произведениях А. Блока, А. Белого, которые воспринимались современниками как пророки нового века, создан обобщающий образ времени, катастрофической, чреватой потрясениями эпохи. Они выступают не только как выразители или изобразители времени, но и как участники исторических процессов, психологический статус которых определяли идея соучастия в страданиях страны и идея соучастия в истории. Автор статьи подчеркивает, что центральным вопросом, волновавшим этих мыслителей рубежа веков, был вопрос об исторической судьбе и будущей роли России.

Ключевые слова: культура; цивилизация; крушение гуманизма; новый человек; кризис; творчество жизни; преображение мира; символ; символизм; быт и бытие, образ эпохи; судьба России.

Поступила: 14.07.20

Принята к печати: 29.07.20

**Levit S. Ya.
«Sizzling years»:**

Cultural-philosophical studies by A. Blok and A. Bely

*Institute of Scientific Information in Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, levit44@mail.ru*

Abstract. The article considers the main problems of the spiritual life in Russia at the beginning of the twentieth century. In the works by A. Blok and A. Bely, who were perceived by contemporaries as the prophets of the new century, a generalizing image of time, of a disastrous epoch was created. The poets act not only as exponents of time, but also as participants in historical processes as participants in the country's suffering. The author of the article emphasizes that the key issue that concerned these thinkers was the question of the historical fate and future role of Russia.

Keywords: culture; civilization; the collapse of humanism; new man; crisis; creativity of life; transformation of the world; symbolism; symbolism; life and being, the image of the epoch; the fate of Russia.

Received: 14.07.20

Accepted: 29.07.20

* * *

Рождение XX века воспринималось многими мыслителями, поэтами, художниками как явление, знаменующее конец исторического цикла; самое начало столетия было исполнено знамений, эсхатологических идей и чаяний. Поэты предчувствовали что-то страшное, надвигающееся на мир.

Характерные черты духовной жизни России начала XX столетия запечатлены в таких символах, как грядущие огневые зори, ураганы огней, пламенеющие небеса, огневая стихия, развалы грозной эпохи, предчувствие катастроф, восходящий лик Люцифера, испепеленные миры, а также культурный ренессанс, названный Н.А. Бердяевым «одной из самых утонченных эпох в истории русской культуры» [Бердяев, 1991, с. 164].

«Еще бездомней, еще страшнее жизни мгла»

А. Блок – поэт с даром предвидения, обостренным художественным восприятием действительности, дает философское осмысление мировых исторических процессов. Он ощущает приближение страшного кризиса, катастрофы, видит себя на фоне зарева и огнедышащих, громыхающих гор, по которым за тучами пепла ползут, освобождаясь, ручьи раскаленной лавы. Он еще не знает наверняка, каких ждать со-

бытий, но замечает, что «в сердце нашем уже отклонилась стрелка сейсмографа» [Блок, 1982, с. 124].

В разгуле стихий земных и подземных, в неустанном реве машин, кующих гибель день и ночь, в человеческой культуре, которая все более становится машинной, железной – во всем этом он чувствовал приближение катастрофы, надвигающейся на Россию и мир.

В мире звучит колокол антигуманизма, происходит «крушение гуманизма», изначальным признаком которого был индивидуализм, свободная человеческая личность, – двигатель европейской культуры. В потоке, сменившем движение гуманной цивилизации, несутся щепы этой цивилизации, исчезает этический, гуманный человек; происходит прорастание «чрезвычайной жестокости», «нечеловеческой, а животной, первобытной нежности», «животных и растительных форм в человеке»; «творчество сменяется безрадостной работой», «механический атомизм работы уничтожает ее смысл». Во всех областях – науке, политике, искусстве – наблюдается явление раздробленности. Становится немыслимым хоровод Муз, ибо творцы искусства – скульптор, музыкант, живописец и писатель, который трактуется как «постановщик чего-то грузного, питательного, умственного и гуманного в отличие от легкомысленных художников» – не понимают друг друга, так как все искусства разлучены между собой [Блок. Крушение гуманизма, 1982, с. 340].

То же обилие разрозненных методов и взаимоисключающих приемов можно обнаружить и в философии, педагогике, юриспруденции, этике, технике. «Все множественно, все не спаяно... дух музыки отлетел... а человек бежит от самого себя» [там же]. И нет уже возможности говорить о единстве цивилизации, напоминающей Вавилонскую башню, и культуры, а следует говорить о непрестанной борьбе цивилизации с духом музыки. Блок ощущает, что движение гуманной цивилизации сменилось новым движением, которое также родилось из духа музыки и представляет собой бурный поток, несущий щепы цивилизации. Эта стихия разрушительна для тех завоеваний цивилизации, которые казались незыблемыми; она сметает все, что внесено воспитанием и образованием гуманной Европы: «она противоположна привычным для нас мелодиям об “истине, добре и красоте”» [там же, с. 345]. Это враждебное цивилизованному миру движение сокрушает драгоценные, с точки зрения гуманитарной, этические, эстетические, правовые достижения цивилизации.

В этой битве против гуманизма, в вихре революций духовных, политических, социальных, имеющих космические соответствия, производится новый отбор, возникает новая человеческая порода, простираются контуры нового человека. Блок понимает, что цель этого движения уже не этический, не политический, не гуманный человек, а, говоря языком Вагнера, *человек-артист*, способный жадно жить и действовать в эпоху вихрей и бурь, разрушающую «многовековую ложь лицемерной цивилизации», сумевшей обратить искусство на служение правящим классам и поднять народ «на высоту артистического человечества» [Блок. Искусство и революция, 1982, с. 240].

В статьях «Интеллигенция и революция», «Искусство и революция», «Крушение гуманизма» Блок соблазнен ницшевской религией музыки, соединяет знаком равенства культуру – музыку – стихию – народные массы. Массы становятся для него носителями новой культуры, возникшей на основе музыки антигуманизма.

Эти размышления А. Блока, отмечает М.Н. Эпштейн, нашли поэтическое выражение в поэме «Двенадцать», где место лирического субъекта занято голосами природных и социальных стихий: «Ветер, ветер – на всем божьем свете», «мировой пожар в крови – господи, благослови!»...

Поэма была написана в согласии со стихией, когда проносящийся революционный циклон породил бурю во всех сферах – в природе, жизни, искусстве. Блок физически ощущал шум от крушения старого мира: «Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугой над нами. Я смотрел на радугу, когда писал “Двенадцать”; оттого в поэме осталась капля политики» [Блок, 1980 а, с. 377–378]. Поэт чувствовал, как мировой водоворот засасывает в свою воронку человека, от личности не остается и следа, а если она как-то продолжает существовать, то «становится неузнаваемой, обезображеной, искалеченной. Был человек и не стало человека» [Блок, 1980 б, с. 272]. И человеческий род, испытавший на себе возмездие истории, эпохи, начинает творить свое возмездие.

В поэме «Возмездие», над которой Блок работал с 1910 по 1921 г., он создал образ XX столетия:

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней

Тень Люцифера крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне)...
[Блок, 1980 б, с. 277]

Блок жил в ожидании апокалиптических событий, его не покидало чувство разверзающейся бездны. Осмысление исторических процессов, происходивших на рубеже веков, обостренное их восприятие позволили ему предвидеть события ближайших десятилетий, ощутить трагизм надвигающихся катастроф.

Смерть Блока, которого воспринимали как мост, соединяющий XIX и XX вв., потрясла петербургскую интеллигенцию, как – громовой удар по сердцу (Цветаева). Его смерть вошла в сознание многих как знак рубежа, разделившего их духовные пути на два жизненно-значимых периода: *до* и *после*. На многолюдном собрании 28 августа 1921 г. Вольфыл¹, посвященном памяти поэта, выступил А. Белый. В своем докладе он создал обобщенный образ блоковской поэзии, показал ее масштабность и глубину. Любовно и проникновенно Белый говорил о Блоке как о русском национальном поэте, любимом поэте, «тесно связанном с вершинами мировой литературы, стоящем в одном ряду с Данте, Гёте, с Пушкиным» [Максимов, 1988, с. 624].

Эстетическая программа жизнетворчества А. Белого

В отличие от Блока, начертавшего в поэме «Возмездие» трагический образ XX века и во многом завершившего культурный XIX век, в поэзии и философии Соловьёва восходят надежды на духовное возрождение человечества, на грядущее преображение мира.

Соловьёв, указавший людям на опасности, им грозящие, обозначивший ледяные пики крутых снегоблещущих гор, по которым необходимо пройти, чтобы не свалиться в пропасть, с бессмертных высот платонизма и шеллингианства увидел розовую улыбку Мировой души, понял сладость «Песни Песней» и знаменье «Жены, облечённой в солнце»; он призывал углубиться к вечно женственным истокам Души. А. Белый отмечает «теургическую мощь его поэзии, в которой соприкоснулись фетовский пантеизм, лермонтовский индивидуализм с лучезарными прозрениями христианских гностиков» [Белый, 1994 а, с. 410].

В восприятии А. Белого «соловьевцы», в отличие от неспособных к полету над бездной «младосимволистов», выдвигали программу социального творчества, преобразования в художественном акте мира. Для них художник – demiurge, создающий новые миры, новое религиозное искусство: «это теургия – магия, с помощью которой можно изменить ход событий, “заклясть хаос”, подчинить его себе при помощи слов. Высшая цель символизма – это цель культуры – сотворение нового человека» [Сугай, 1994, с. 5].

Символизм воспринимался А. Белым как *образ мышления и образ жизни* – схватка с «хаосом» за преобразование мира и личности. Стержнем его мировоззренческих исканий, отмечает Л. Сугай, является вера в непрекращающую ценность человеческого духа. В своем стремлении к универсализму, мировоззрению, охватывающему все общественные, культурные, философские, религиозные, естественно-научные, эстетические проблемы, – он оставался верен поискам гармонической модели мироздания и идеи создания «Нового Человека», вбирающего в себя многообразие культур. Он стремился создать теорию символизма как целостного миропонимания, как стройную систему и универсальную программу «искусства жизни». Представление о «цельном мировоззрении», в котором нет антиномии научного и художественного мышления, Белый связывал с понятием «символизм», с категорией символа. Символизм, подчеркивал А. Белый, – «существенный до конца синтез, а не только соположение синтезируемых частей» [Белый, 1989, с. 200–201]. Символ способен передать на сокровенном языке намека все *невыразимое*, сверхчувственное, неадекватное внешнему слову: «символ – и художественный образ, и окно в мистический, запредельный мир, и категория реального мира. Символ, по Белому, – универсальная категория» [Сугай, 1994, с. 14].

Белый полагает, что символ, символика, символизация есть одно из величайших завоеваний человеческого гения. Символ служит у него средством преодоления преграды между явлением и его подлинной сущностью, между искусством и действительностью. Именно символизация, по мнению Белого, открывает путь к *интуитивно-личному* постижению сущности мира, позволяет художнику проникнуть за грань осозаемого мира, обнаружить *потенциальный* смысл явлений, вскрыть их подлинную сущность. «Подчеркнуть в образе идею, – писал А. Белый, – значит претворить этот образ в символ, и с этой точки зрения весь мир – “лес, полный символов, по выражению Бодлера”»

[Белый, 1910, с. 29]. Подлинное творчество (творчество самой жизни), утверждает Белый в статье «Эмблематика смысла», требует проникновения в смысл сущностной («божественной») тайны мира и человека. При таком подходе, полагает Долгополов, «эстетика оборачивается этикой, символ становится выражением не только потенциальных, подразумеваемых смыслов, но и “музыкальной стихии души”, “единства переживаний”, т.е. олицетворением и выражением бесконечного обновления знаний человека о самом себе» [Долгополов, 1988, с. 69].

Эстетическая программа А. Белого – это программа *жизнетворчества*, а не создания художественных форм. Искусство, согласно Белому, начинается там, где человеческий дух провозглашает примат творчества над познанием, где призыв к творчеству есть вместе с тем и призыв к творчеству жизни. Главную цель культуры он видит в *пересоздании человечества*. В этой последней цели, отмечает Л. Сугай, встречается культура как особого рода связь между знанием и творчеством с идеями искусства и морали; культура, которая характеризуется Белым как отблеск Прометеева огня, призывает к творчеству жизни, она превращает теоретические проблемы в практические, а самую жизнь – в материал, из которого творчество создает ценности; сама жизнь трактуется А. Белым как одна из категорий творчества. «Творчество ценностей есть творчество образов, и если образ творчества – человек, а форма его – жизнь, то мы должны созидать образ и подобие героя в жизни: для этого нужна личность» [Белый, 1994 а, с. 151].

Центр его внимания переносится на личность – свободную, творческую, героическую: «мы должны строить ковчег нашей души – воспитать в себе героя» [Белый, 1994 а, с. 152]. Белый понимал, что живет в эпоху, чреватую катастрофами. Кризис охватил и человеческое сознание: «Никогда еще дуализм между сознанием и чувством, созерцанием и волей, личностью и обществом, наукой и религией, нравственностью и красотой не был так отчетливо выражен» [Белый, 1994 а, с. 210].

Одной из главных тем многих его статей является «распадение» человека как личности. В статье «Песнь жизни» он пишет о том, что человек утратил собственный строй души: и мы – не мы, а чьи-то тени; мы разучились летать, тяжело мыслим, из нашей жизни исчез подвиг; нам необходима легкость божественной простоты и здоровья душевного – «тогда найдем мы смелость пропеть свою жизнь: ибо если не песня живая жизнь, – жизнь не жизнь вовсе. Нам нужна музы-

кальная программа жизни, разделенная на песни (подвиги)», мы должны творчески прожить жизнь, из которой будет полностью изъята необходимость; мы продлим творческий момент жизни в бесконечности времен и пространств – в этом состоит искусство жить, и «здесь искусство есть уже созидание личного бессмертия, т.е. религия» [Белый, 1994 а, с. 177, 241, 242]. Личность была для Белого носительницей всех начал жизни, проявлением сфер и быта, и бытия. Человеческое «я» для него – самосознающий субъект, универсальная «вселенная», заключающая в себе все многообразие жизни – «эмпирической», сиюминутной, и вечной, трансцендентальной. Он создает особую художественную «конструкцию человека», в которой главное – его нахождение на границе бытия и быта, в одинаковой зависимости как от бытовой эмпирики повседневного существования, так и от Вечности; объектом своего изображения Белый сделал пограничное положение человека между бытом и бытием, а не между «добром» и «злом». Белый увидел человека находящимся на грани двух сфер существования – вещественно осязаемого, эмпирического мира и мира «духовного», космического, праисторического. Именно это нахождение человека на грани быта и бытия, эмпирика повседневного существования и «космических сквозняков» открывает в человеке такие качества, какие в других условиях не открываются, – отмечает Л.К. Долгополов. При таком подходе Белый вторгается в *подсознательную* жизнь человека – связующее звено между ним и вечностью. Человек у Белого вовлечен в течение мировой жизни, он может выйти за сферу эмпирического существования, слиться с океаном вечности; это и есть бегство от «быта» и слияние с «бытием» [Долгополов, 1988, с. 49–55]. Только в сфере бытия человек обретает свою подлинную сущность.

Категория бытия, замечает Л.К. Долгополов, представляет для Белого категорию *духовности*, утраченной в сутолоке быта, противостоящего вечности, ее природно-оздоровляющей данности.

Идея «многомерного» существования человека, двуплановости, двухбытийности всего сущего является центральной мыслью не только его поэтической системы, но и философских, антропологических, исторических, социальных взглядов. В соответствии с общим взглядом на человека и его пограничное положение в мире складывались и историософские взгляды Белого, в основе которых лежала мысль о повторяемости явлений и форм «земного» существования – как в

«природной» жизни, так и в истории людей. Исходный постулат философских построений А. Белого Л.К. Долгополов формулирует следующим образом: жизнь есть существование в миге сознания, из этих же «мигов» и складывается цепь времен; линия человеческого развития – это «вечная смена мгновений и жизнь во мгновении»; человек же лишь едет на времени; время – конь без узды – мчит, мчит, мчит; в разные мгновения жизни человек принимает ту или иную «форму». Совокупность этих «форм» и есть условная форма его существования; прошлое для Белого всегда актуально, потому что оно и прошлое, и настоящее, и будущее одновременно. Категории времени и пространства имели для Белого не умозрительно-философский характер, а представляли собой содержательные формы, в которых осуществлялся процесс оформления самосознающего «я», «причем не только в понятиях бытийственных, но и в категориях долженствования» [Долгополов, 1988, с. 42].

Белый славит Ницше за предсказание появления новой личности; его «сверхчеловек», по словам А. Белого, есть порождение тоскующей души. Чаще других поэтов он обращается к образу Ф. Ницше, воплотившего, по его мнению, в себе – творца жизни, воссоздавшего новую породу гения, «образ Нового Человека», вобравшего в себя черты разнообразных культур: религиозной и светской, европейской и восточной, научной и художественной, национальной и вселенской. Именно культурные программы «пересоздания человечества», воплощенные в собственной жизни философов, А. Белый ценил больше всего [Сугай, 1994, с. 12–14].

* * *

Современные Белому философы ценили его художественное творчество, признавали за ним особый дар предвидения, свойственный сверхчувствительным душам поэтов. Ф.А. Степун писал о Белом: «Его сознание подслушивало и подмечало все, что творилось в те какиенибудь годы как в России, так и в Европе: недаром он сам себя охотно называл сейсмографом» [Степун, 1990, с. 277]. Вместе с тем Ф.А. Степун говорил о «незавершенности» внутреннего мира Белого, об его абсолютной *бездрежности* и неустойчивости, отсутствии тверди небесной и земной в его творчестве. Он создает теорию «двух Белых», существовавших в одном лице: один из них, «обменявший корни на крылья», опущался существом, пребывающим не на земле, а

другой был внимательнейшим наблюдателем с прекрасной памятью. Эта теория, полагает Л.К. Долгополов, имела бы основания, если бы Степун вставил ее в общую картину его творческого становления, но этого не произошло [Долгополов, 1988, с. 36].

Бердяев уравнивал А. Белого и А. Блока как пророков нового века, а Г. Шпет видел в Белом предвестника будущего, но все эти философы – профессионалы – скептически оценивали его теоретические взгляды. Однако Н.О. Лосский удостоил Белого звания философа, сказав, что «в целом философия А. Белого есть разновидность пантеизма» [Лосский, 1991, с. 389]. Многие современники – писатели, поэты, философы – воспринимали А. Белого не как гармоничную личность, а как сочетание «разных», «несовместимых» Белых. Созданный М.И. Цветаевой поэтический образ писателя, который «разорвался – навек», отразил, по мнению Л.А. Сугай, общее восприятие его личности и творчества. Целостность характера и устремлений А. Белого отрицалась многими философами – Г. Шпетом, Ф. Степуном, Н. Бердяевым, а также писателями и поэтами – Е. Замятином, М. Волошиным. Л.К. Долгополов отмечает поразительную глубину замыслов А. Белого, многосторонность его деятельности как писателя и ученого-исследователя, уникальность его пророческого и провидческого дара, но считает, что его облик раскалывается на множество обликов; нет единосущного Белого: он и последователь Вл. Соловьёва, пропагандист антропософских доктрин Р. Штайнера, теоретик символизма, автор «симфоний» и «Петербургра», мемуарной трилогии, исследователь Гоголя, основоположник стиховедения. Это, полагает Л.К. Долгополов, по существу, разные таланты и разные авторы, и сложно представить их совмещение в одном человеке [Долгополов, 1988, с. 33]. Но, как полагает Л.А. Сугай, в действительности многообразные облики гармоничной личности А. Белого взаимосвязаны между собой, обуславливают и дополняют друг друга. «Осознание несляянности, но и нераздельности разных мелодий души, переплетения многих тем единого симфонического произведения – жизни художника – вот... истинный ключ к постижению феномена Белого» [Сугай, 1994, с. 11], его философского «я», его мировоззрения, о котором он писал как о проблеме контрапункта, диалектике «энного рода методических оправ в круге целого» [Белый, 1989, с. 196].

Образ России в творчестве А. Блока и А. Белого

На рубеже XIX и XX вв. многие проблемы, поднятые русской культурой XIX столетия, нравственные системы, образы, концепции, которыми жила эта культура, пережили свое возрождение и вновь стали насущными и животрепещущими. Это определило «ренессансную» суть культуры данного периода. Многие ранее поставленные вопросы стали объектом размышлений философов, поэтов, писателей.

А. Белый пишет трилогию – «На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций», в которой создает *обобщающий образ времени*, совокупный *образ эпохи* – катастрофической, чреватой потрясениями мирового масштаба и значения. В этих мемуарах Белый не столько выразитель или изобразитель времени, не только романист или бытоописатель; он *часть* этого сложного времени – рубежа XIX–XX вв. Как отмечает Долгополов, он сумел сделать свое личное «я» равновеликим своей эпохе и вырос в фигуру эпохального значения. Белый улавливает действительную смену исторических эпох, отрицание прежних взглядов и форм существования во имя утверждения нового жизнеустройства, новой культуры, ценностей, концепций. «Созидание новой культуры, новых форм быта, ориентированных на высшие формы – формы бытия, нового жизнеустройства вообще рассматривается им, прежде всего, как отрицание прагматической культуры “отцов”» [Долгополов, 1988, с. 96].

Центральным вопросом, волновавшим мыслителей рубежа веков – А. Блока и А. Белого как выразителей этого времени, – был вопрос об исторической судьбе и будущей роли России.

Тончайший лирик А. Блок не мыслил содержание и дух своего лиризма вне глубочайшей связи с Россией; многие страницы его произведений проникнуты неподдельным чувством родины. Каждое стихотворение Блока, посвященное России, Г. Иванов воспринимает как главу стройной поэмы². В стихах о Куликовом поле он пишет:

На пути – горючий белый камень.
За рекой – поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взыграет больше никогда...
Я – не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.

Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

[Блок. На поле Куликовом, 1980 б, с. 85–86]

Стихотворения Блока о России наполнены просветленной грустью и ясно-мужественной любовью поэта к России:

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад...

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслюнить купоны,
Пузатый отворив комод.

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне... –
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

[Блок, 1980 б, с. 234]

Георгий Иванов, проникая в тайны лиризма Блока, замечает, что все значительное в лирической поэзии пронизано лучами вековой грусти, грусти-тревоги или грусти-покоя, и эта тайна постигается только избранными, к которым и принадлежит Блок. Он постиг «тайну гармонического творчества силой своего творческого прозрения, той таинственной и чудесной силой, о которой в старину говорили: «Божья милость» [Иванов, 1994, с. 474]. Каждое стихотворение о России – новый этап ее лирического познания; сложный путь от стихов о Куликовом поле к стихотворениям «Русь», «Праздник радостный», «Последнее напутствие», «Я не предал белое знамя», заканчивающееся так:

И горит звезда Вифлеема
Так светло, как любовь моя.

Звезда горит, «как любовь», – «вынесенная из мрака и смуты, она светлей даже вифлеемской звезды!» [Иванов, 1994, с. 474]. В «Стихах о России», отмечает Георгий Иванов, утонченное мастерство поэта совпадает со всем богатством его творческого опыта: «Любовь, мука, мудрость, вся сложность чувств современного лирика соединены в них с величественной, в веках теряющейся духовной генеалогией» [там же, с. 476].

Как полагает Ю. Айхенвальд, русская история прошла для Блока не бесследно, – он ею живет и страдает, а главное – принимает в ней «моральное участие» [Айхенвальд, 2019, с. 352].

В стихотворении, посвященном З.Н. Гиппиус – «Рожденные в года глухие», – он говорит о России с болезненным стоном любви и тоски, и стремится заполнить роковую пустоту Россией, религией России:

Мы – дети страшных лет России –
Забыть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы –
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота – то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая *пустота*.

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье, –
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят царствие твое!

[Блок, 1980 б, с. 239]

В ряде стихотворений Блок называет ее своей бедной женой, свою жизнью и обращается к ней: «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться»; он глубоко в сердце принимает свою нищую страну, ее нищие деревни, ее серые избы и песни ветровые – «как слезы первые любви»; он хочет разгадать ее загадку – «она и в снах необычайна».

«Мистичность своей “роковой, родной страны” он прозревает и в ее текущих ужасных событиях; и на них тоже распространяется та его первая и, должно быть, последняя любовь, то его мистическое супружество, которое называется Россия» [Айхенвальд, 2019, с. 353]. И в нем не иссякает вера в то, что не пропадет, не сгинет Россия – и лишь забота затуманит ее прекрасные черты.

А. Белый также ощущает свою сопричастность общему неблагополучию, сложному положению страны; соучастие в страдании становится неотъемлемой особенностью его миросозерцания. В стихотворении «Пепел» Белый ощущил себя в России, а Россию – своего «лирического героя» – в себе. Как отмечает Л.К. Долгополов, когда Белый говорит:

Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой –
Мать – Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой? –

то в этом заключено переживание поэта в *миге сознания*, когда объект воспринимается в сиюминутной ситуации, а мотивы исторического прошлого и будущего не играют важной роли.

В 1916 г. он пишет стихотворение «Родине»³, в котором звучат иные идеи и чувства: «Восстань в сердцах, сердца исполни! Произрастай, наш край родной!». Россию он воспринимает как неопалимую блеском молний, неодолимую Святую Купину, простирающую ввысь, как руки, свои святые пламена. Судьба ее видна и ясна – из моря слез, из моря муки она устремлена в светлеющие сферы.

В августе 1917 г. рождается другое стихотворение «Родине», в котором заклинательные интонации будут обращены в будущее, а «герой» стихотворения и Россия будут слиты в некое единство:

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия, –
Безумствуй, сжигая меня.
В твои роковые разрухи,
В глухие твои глубины, –
Струят крылорукие духи
Свои светозарные сны.

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия, –
Мессия грядущего дня!

[Белый, 2012, с. 207]

Внутренняя рифма: Россия – мессия – держит на себе и ритмическую, и содержательную структуру строфы. В этих стихотворениях о Родине дает о себе знать особенность Белого – жить в миге сознания, находиться в состоянии непрерывного обновления. «Идея соучастия в страдании, отчетливо выявившая себя в сборнике “Пепел”, выводит нас и к другой идеи, в более широкой перспективе определявшей “психологический статус” Белого – к идеи *соучастия в истории*» [Долгополов, 1988, с. 64]. О страдающей России, находящейся как будто на грани исчезновения, он писал в 1908 г.:

Довольно: не жди, не надейся –
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!
.....
Туда, – где смертей и болезней
Лихая прошла колея, –
Исчезни в пространстве, исчезни,
Россия, Россия, моя!

В этом стихотворении «Отчаянье», открывающем раздел «Россия» в сборнике «Пепел», создается впечатление, что он ненавидит Россию и желает зла народу, но в действительности он жалеет нищую и безвольную Россию, применяет метафору «века нищеты и безволья», указывая на период господства крепостного права. Он не хочет, чтобы она прозябала в бедности, страдании, умоляет Родину исчезнуть, попасть туда, где все беды миновали. Если в этом стихотворении слышится доведенная до предела лирическая взволнованность, то в других стихотворениях Россия – это неопалимая и неодолимая Святая Купина, носительница скрытого величия, мессия грядущего дня.

Россия для Белого сейчас – гоголевская панна Катерина, спящая красавица, душу которой украл страшный колдун, чтобы мучить ее в

чуждом замке. Лик Красавицы занавешен туманным саваном механической культуры, – саваном, сплетенным из черных фабричных дымов и железной проволоки телеграфа. Красавица на распутье между механической мертвенностю и первобытной грубостью. Она должна решить, кому отдать свою душу: любимому ли мужу, казаку Даниле, борющемуся с иноплеменным нашествием, или колдуна из иноземной страны. «Пелена черной смерти в виде фабричной гари занавешивает просыпающуюся Россию, эту Красавицу, спавшую доселе глубоким сном» [Белый, 1994 б, с. 329]. Белый взывает: «Россия, проснись, верни себе Душу», а в стихотворении «Декабрь 1916» он призывает:

Встань, возликуй, восторжествуй, Россия!
Грянь, как в набат, –
Народная, свободная стихия
Из града в град!

В изначальной (тайной) сущности русской души, возведенной к истокам древнегреческой культуры, Белый прозревает творческое начало, отвергая западное – «иноплеменное» влияние. Он пишет о пограничном характере России, ее «расколотости» на западную и восточную, о ее призрачном существовании с того времени, как металлический Всадник примчался к невскому берегу. Совмещая в себе эти линии мировой истории (западную и восточную), Россия разрывается надвое, утрачивая свои национальные особенности и свою великую миссию. Ее предназначение в истории Белый связывает с выявлением патриархальных начал жизни. Россию он рассматривает как наследницу оформившихся в добуржуазный период духовных традиций европейской культуры, ставшей достоянием русского сознания. «Эти традиции видятся Белому в исканиях *последней правды*, которая, в свою очередь, представляется ему *духовной субстанцией*, противостоящей буржуазной, деловой и деляческой, цивилизации» [Долгополов, 1988, с. 68]. Белый видит на Западе только эту цивилизацию, убивающую культуру, и считает, что только в России европейская культура прошлого была воспринята во всем многообразии и глубине, став достоянием русского сознания.

Сама судьба России – надисторическая, нарушающая установившиеся закономерности общемирового развития. «“Прыжок над историей”, который пророчески предвидит Белый, должен смешать все

исторические карты, изменить ход мирового движения» [Долгополов, 1988, с. 76].

Примечания

¹ Вольфила (Вольная философская ассоциация).

² Георгий Иванов. «Стихи о России» Александра Блока. Статья представляет собой рецензию на книгу А. Блока «Стихи о России» [Пг., изд. журнала «Отечество», 1915].

³ *Родине*

В годины праздных испытаний,
В годины мертвой суеты –
Затверденей алмазом браны
В перегоревших углях – Ты.

Восстань в сердцах, сердца исполни!
Произрастай, наш край родной,
Неопалимой блеском молний,
Неодолимой купиной.

Из моря слез, из моря муки
Судьба твоя – видна, ясна:
Ты простираешь ввысь, как руки,
Свои святые пламена –

Туда, – в развали грозной эры
И в визг космических стихий, –
Туда, – в светлеющие сферы
В грома летящих иерархий.

[Белый, 2012, с. 198]

Октябрь 1916

Список литературы

Айхенвальд Ю. Поэзия Блока // Звучащие смыслы: Творческое самосознание. Культурологический альманах / отв. ред. и сост. С.Я. Левит. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – С. 342–363. – (Серия «Культурология. ХХ век»).

- Белый А. Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. – М.: Республика, 1994 а.–528 с. – (Мыслители XX века).
- Белый А. Символизм. – М.: Изд-во Мусагет, 1910. – 651 с.
- Белый А. Вечный зов. – М.: Комсомольская правда, 2012. – 239 с.
- Белый А. Луг зеленый // Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994 б. – С. 328–334.
- Белый А. Песнь жизни // Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994 б. – С. 167–176.
- Белый А. Кризис сознания и Генрик Июсен // Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994 б. – С. 210–237.
- Белый А. Искусство // Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994 б. – С. 238–243.
- Белый А. Эмблематика смысла // Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994 б. – С. 25–89.
- Белый А. Начало века. – М.: Художественная литературы, 1990 а.–707 с.
- Белый А. На рубеже двух столетий. – М.: Художественная литература, 1989. – 563 с.
- Белый А. Между двух революций. – М.: Художественная литература, 1990 б.–672 с.
- Бердяев Н.А. Самосознание. (Опыт философской автобиографии). – М.: Международные отношения, 1991. – 336 с.
- Блок А. Крушение гуманизма // Блок А. Собр. соч.: в 6 т. – Л.: Художественная литература, Ленинградское отделение, 1982. – Т. 4: Очерки. Статьи. Речи 1905–1921. – С. 327–347.
- Блок А. Искусство и революция // Блок А. Собр. соч.: в 6 т. – Л.: Художественная литература, 1982. – Т. 4: Очерки. Статьи. Речи 1905–1921. – С. 240–244.
- Блок А. Интелигенция и революция // Блок А. Собр. соч.: в 6 т. – Л.: Художественная литература, 1982. – Т. 4: Очерки. Статьи. Речи 1905–1921. – С. 229–239.
- Блок А. Из «записки о “Двенадцати”» // Блок А. Собр. соч.: в 6 т. – Л.: Художественная литература, 1980 а.– Т. 2. – С. 377–378.
- Блок А. Возмездие // Блок А. Собр. соч.: в 6 т. – Л.: Художественная литература, 1980 б.– Т. 2. – С. 277–278.
- Блок А. На поле Куликовом (5 стих) // Блок А. Собр. соч.: в 6 т. – Л.: Художественная литература, 1980 б.– Т. 2. – С. 84–89.
- Блок А. «Грешить бесстыдно, непробудно...» // Блок А. Собр. соч.: в 6 т. – Л.: Художественная литература, 1980 б.– Т. 2. – С. 233–234.
- Блок А. «Рожденные в года глухие...» // Блок А. Собр. соч.: в 6 т. – Л.: Художественная литература, 1980 б.– Т. 2. – С. 239–240.

Блок А. Стихия и культура // Блок А. Собр. соч.: в 6 т. – Л.: Художественная литература, 1982. – Т. 4: Очерки. Статьи. Речи 1905–1921. – С. 115–124.

Долгополов Л.К. Начало знакомства // Белый А. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. – М.: Советский писатель, 1988. – С. 25–103.

Иванов Г. «Стихи о России» Александра Блока // Иванов Г. Собр. соч.: в 3 т. – М.: Согласие, 1994. – Т. 3: Мемуары. Литературная критика. – С. 472–476.

Лоссский Н.О. История русской философии. – М.: Советский писатель, 1991. – 480 с.

Максимов Д. О том, как я видел и слышал А. Белого // Белый А. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. – М.: Советский писатель, 1988. – С. 615–636.

Степун А.Ф. Бывшее и несбыточное / Послесловие Р. Гергеля. – 2 изд. – СПб.: Алетейя, 2000. – 651 с.

Степун А.Ф. Бывшее и несбыточное. – Лондон: OPL, 1990. – Т. 2. – 433 с.

Сугай Л.А. «... И блещущие чертит арабески» // Белый А. Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. – М.: Республика, 1994. – С. 3–16.

Эпштейн М.Н. Поэтическое так относится к стихам, как религиозное – к обряду. (Беседа Б. Кутенкова с М. Эпштейном. – Режим доступа: <https://formasloff.ru/2020/03/15/mihail-epshtejn-poeticheskoe-tak-otnositya-k-stiham-kak-religioznoe-k-obryadu/>)

References

- Ajhenval'd, Yu. (2019). Poeziya Bloka. S. Ya. Levit (comp. & ed.). In *Zvuchashchie smysly: Tvorcheskoe samosoznanie. Kul'turologicheskij al'manah* (pp. 342–363). Moscow; Saint Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ. (Seriya «Kul'turologiya. XX vek»).
- Belyj, A. (1994 a). *Simvolizm kak miroponimanie*. L.A. Sugaj (comp., introductory art., note). Moscow: Respublika. (Mysliteli XX veka).
- Belyj, A. (1910). *Simvolizm*. Moscow: Izd-vo Musaget.
- Belyj, A. (2012). *Vechnyj zov*. Moscow: Komsomol'skaya pravda.
- Belyj, A. (1994 b). Lug zelenyj. In Belyj A. *Simvolizm kak miroponimanie*, (pp. 328–334). Moscow: Respublika.
- Belyj, A. (1994 b). Pesn' zhizni. In Belyj A. *Simvolizm kak miroponimanie*, (pp. 167–176). Moscow: Respublika.
- Belyj, A. (1994 b). Krizis soznaniya i Genrik Iyusen. In Belyj A. *Simvolizm kak miroponimanie*, (pp. 210–237). Moscow: Respublika.
- Belyj, A. (1994 b). Iskusstvo. In Belyj A. *Simvolizm kak miroponimanie*, (pp. 238–243). Moscow: Respublika.

- Belyj A. Emblematika smysla. In Belyj A. *Simvolizm kak miroponimanie*, (pp. 25–89). Moscow: Respublika.
- Belyj, A. (1990 a). *Nachalo veka*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura.
- Belyj, A. (1989). *Na rubezhe dvuh stoletij*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura.
- Belyj, A. (1990 b). *Mezhdu dvuh revolyuciij*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura.
- Berdyaev, N.A. (1991). *Samosoznanie. (Opyt filosofskoj avtobiografii)*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Blok, A. (1982). Krushenie gumanizma. In Blok A. *Sobr. soch.: v 6 t. T. 4. Ocherki. Stat'i. Rechi 1905–1921*. (Pp. 327–347). Leningrad: Hudozhestvennaya literatura, Leningradskoe otdelenie.
- Blok, A. (1982). Iskusstvo i revolyuciya. In Blok A. *Sobr. soch.: v 6 t. T. 4. Ocherki. Stat'i. Rechi 1905–1921*. (Pp. 240–244). Leningrad: Hudozhestvennaya literatura, Leningradskoe otdelenie.
- Blok, A. (1982). Intelligenciya i revolyuciya. In Blok A. *Sobr. soch.: v 6 t. T. 4. Ocherki. Stat'i. Rechi 1905–1921*. (Pp. 229–239). Leningrad: Hudozhestvennaya literatura, Leningradskoe otdelenie.
- Blok, A. (1980 a). Iz «zapiski o “Dvenadcati”». In Blok A. *Sobr. soch.: v 6 t. T. 2*, (pp. 377–378.). Leningrad: Hudozhestvennaya literatura, Leningradskoe otdelenie.
- Blok, A. (1980 b). Vozmezdie. In Blok A. *Sobr. soch.: v 6 t. T. 2*, (pp. 277–278). Leningrad: Hudozhestvennaya literatura, Leningradskoe otdelenie.
- Blok A. (1980 b). Na pole Kulikovom (5 stih). In Blok A. *Sobr. soch.: v 6 t. T. 2*, (pp. 84–89). Leningrad: Hudozhestvennaya literatura, Leningradskoe otdelenie.
- Blok A. (1980 b). «Greshit' besstydyno, neprobudno...» In Blok A. *Sobr. soch.: v 6 t. T. 2*, (pp. 233–234). Leningrad: Hudozhestvennaya literatura, Leningradskoe otdelenie.
- Blok A. (1980 b). «Rozhdennye v goda gluhiye...» In Blok A. *Sobr. soch.: v 6 t. T. 2*, (pp. 239–240). Leningrad: Hudozhestvennaya literatura, Leningradskoe otdelenie.
- Blok, A. (1982). Stihiya i kul'tura. In Blok A. *Sobr. soch.: v 6 t. T. 4. Ocherki. Stat'i. Rechi 1905–1921*, (pp. 115–124). Leningrad: Hudozhestvennaya literatura, Leningradskoe otdelenie.
- Dolgopolov, L.K. (1988). Nachalo znakomstva. In Belyj A. *Problemy tvorchestva. Stat'i. Vospominaniya. Publikacii*, (pp. 25–103). Moscow: Sovetskij pisatel'.
- Ivanov, G. (1994). «Stihi o Rossii» Aleksandra Bloka. In Ivanov G. *Sobr. soch.: v 3 t. T. 3. Memuary. Literaturnaya kritika*, (pp. 472–476). Moscow: Soglasie.
- Losskij, N.O. (1991). *Istotya russkoj filosofii*. Moscow: Sovetskij pisatel'.
- Maksimov, D. (1988). O tom, kak ya videl i slyshal A. Belogo. In Belyj A. *Problemy tvorchetva. Stat'i. Vospominaniya. Publikacii*, (pp. 615–636). Moscow: Sovetskij pisatel'.
- Stepun, A.F. (2000). *Byvshee i nesbyvsheesya. Posleslovie R. Gergelya. 2 izd.* Saint Petersburg: Aletejya.

- Stepun, A.F. (1990). *Byvshie i nesbyvshesya. T. 2.* London: «OPL».
- Sugaj, L.A. (1994). «... I bleshchushchie chertit arabeski». L.A. Sugaj (comp., introductory art., note). In Belyj A. *Simvolizm kak miroponimanie*, (pp. 3–16). Moscow: Respublika.
- Epshtejn, M.N. *Poeticheskoe tak otnositся к стихам, как religioznoe – к обряду.* (*Beseda B. Kutenkova*   s   *M. Epshtejnom.*) Retrieved from: <https://formasloff.ru/2020/03/15/mihail-epshtejn-poeticheskoe-tak-otnositся-k-stiham-kak-religioznoe-k-obryadu/>